

ВОЗНЯК С. В.

УДК 140.8(430)''19''

ЗВАТЬ В МЫШЛЕНИЕ (ТОЧКА ЗРЕНИЯ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА)

В статье анализируется концепт М. Хайдеггера «звать в мышление» и утверждается, что мышление при этом берется не в ипостаси простой сообразительности (как калькулирующая активность интеллекта), а в качестве сущностного мышления, дара бытия, которое зовет нас в мысль как в свою (и нашу) собственную сущность.

Ключевые слова: мышление, зов, призыв, дар, любовь.

У статті аналізується концепт М. Гайдеггера «звати у мислення» і стверджується, що мислення при цьому береться не в іпостасі простої кмітливості (як калькулювальна активність інтелекту), а як сутнісне мислення, дар буття, котре кличе нас у мислення як у свою (і нашу) власну сутність.

Ключові слова: мислення, звати, поклик, дар, любов.

The article analyses the Martin Heidegger's concept "to call into thinking" and states that the thinking here is not taken in the hypostasis of simple acumen (as the calculating activity of intellect) but in the form of essential thinking, gift of being that is calling us into the thought as into its (and our) own essence.

Key words: thinking, call, appeal, gift, love.

Это чисто хайдеггеровская постановка вопроса: «Что зовёт нас в мышление?» И что поразительно: не призывает мыслить, зовёт нас не просто мыслить, но именно – в мышление.

Хотя, на первый взгляд, нет никаких оснований для особой тщательности продумывания этого вопроса, – ведь так или иначе мы все знаем, что нас заставляет мыслить в смысле осуществлять определенные интеллектуальные усилия и акты. Что заставляет, принуждает нас мыслить? В каких ситуациях от нас требуется включать интеллектуальный аппарат, что-то обмозговать, обдумать? – Когда мы сталкиваемся с проблемами, когда нам нужно разрешить то или иное противоречие, а готовых вариантов в

наличии нет. Тогда мы должны проанализировать ситуацию, определенным образом перестроить структуру, схематику своих действий и найти более-менее адекватное решение, которое соответствует сути дела. Здесь мы включаем кантовскую «способность суждения», даже не подозревая о существовании такого человека, как Иммануил Кант, и обустроиваем свои дела (и скорее всего – именно делишки). Кстати, даже у животных (высших) интеллектуальная составляющая их психики «включается» в работу только тогда, когда животное попадает в такие ситуации, где ему явно не хватает врожденных или приобретенных рефлексов и следует осуществлять ориентировочно-

поисковую деятельность. Человек же действует целесообразно. Непосредственно им движут желания и потребности, которые осознаются как цель. Цель полагается идеально, а для ее реального достижения, осуществления, требуется применение определенных средств. Вот здесь и включается человеческое мышление, чтобы найти адекватные средства – соответствующие цели и имеющейся предметной ситуации. Сверка этого соответствия – дело мышления, которое преобразовывает формы, образы, схемы деятельности для того, чтобы деятельность была более адекватной, успешной, эффективной, отвечала сути дела. Если средств нет в наличии, их надо создать, следовательно, возникает промежуточная цель, а для нее – свои средства, и здесь опять надо включать «способность суждения», а не просто действовать автоматически по схеме, алгоритму, уже приобретенной форме. Научные исследования как таковые возникают и существуют, исходя из практических потребностей жизнедеятельности людей, преобразования природы, использование ее ресурсов, обеспечения жизни, а в индустриальную и постиндустриальную эпоху основная практическая потребность, которая питает и движет почти весь корпус институционализированной науки, как известно, – партикулярная и корпоративная потребность самовозрастания капитала.

Итак, здесь понятно, что заставляет человека совершать интеллектуальные действия. Конечно, не такое мышление интересует Хайдеггера, не о таком мышлении он спрашивает. Сущность мышления немецкий философ видит совсем в другом. Соответственно и формулирует вопрос: «Что зовет нас в мышление? – Не заставляет, принуждает, а именно зовет, зовет – не просто мыслить, а в само мышление».

Хайдеггер обращается к своим слушателям: мы должны стать на «путь мышления, которое задумывается над

призывающим мыслить» [3, с. 43]. «Вопрошание: “Что есть то, что зовет нас в мышление?” – имеет своей предпосылкой уже то, что мышление как мышление само по себе принимает во внимание зовущее (Hei?ende)» [3, с. 258]. Вопрос становится еще более достойным вопрошания при том условии, что мы идем навстречу тому, о чем спрашиваем. Когда мы спрашиваем, исходя из этого необходимого достойного вопрошания поля, мы мыслим. Ведь мышление само есть путь. Мы отвечаем этому пути только тогда, когда находимся в пути. «Мы уже должны – в вопросе, что по прежнему учению называется “мышлением”, – дорасти до того, чтобы позволить себе отдаться вопрошанию этого вопроса. В этом кроется: мы должны послать себя собственно в тот призыв, который призывает нас мыслить по способу и манере ??????. До тех пор, пока мы сами собой не отворимся, т.е. до тех пор пока мы сами не откроемся этому призыву и, таким образом вопрошая, не отправимся в путь к нему, до тех пор мы будем оставаться слепыми относительно судьбы нашего существа. Со слепыми никто не может вести речь о красках. Но еще хуже, чем слепота, ослепление. Оно мнит, что оно видит и видит одним-единственным возможным способом, тогда как именно это мнение искажает ему всякий вид» [3, с. 175]. Однако мы еще не достигли области того, что из себя может быть осознано в сущностном порядке. Это, вероятно, зависит от того, что мы, люди, к тому, что должно быть помысленным, обращены еще в недостаточной мере. Можем ли мы осуществлять это всякий раз соразмерным способом, зависит от того, «хотим ли мы мышления, которое всегда зовет, чтобы мы отделились его сущности. Быть может и так, что мы хотим отдавания слишком мало и слишком редко» [3, с. 151]. Самоотдача мышлению сама по себе бывает редко и сохраняется немногими, – замечает М. Хайдеггер.

Мышление мыслит, если оно соответствует тому, что призывает мыслить.

То, что призывает мыслить, выдает себя в наше со-мнительное время в том, что «мы еще не мыслим». «Призывающее мыслить это то, что мы еще не мыслим; и мы все еще не ..., несмотря на то, что состояние мира становится в прогрессии все более сомнительным (bedenklicher)» [3, с. 35]. Этот хайдеггеровский рефрен: «Мы еще не мыслим» вызывает много вопросов. На чем здесь поставить ударение? Мы еще не мыслим, или мы еще не мыслим? А возможно – одновременно и то и другое? Кстати, а откуда мы знаем, что еще не мыслим? Где тот эталон мышления, по отношению к которому, по сравнению с которым мы способны сделать такой малоутешительный вывод? Мы что – довольно неуклюже, плохо, просто бездарно обустроиваем свое дела, что и подтверждает наличие низкогокачественного мышления? Или в историческом развитии мы свернули куда-то «не туда», и сие свидетельствует о том, что мы плохо думаем? А откуда мы знаем: туда или не туда, – а куда надо? Возможно, мы что-то раньше знали, а потом забыли, отвернулись от чего-то и именно поэтому с нами что-то происходит, что мы теряем самих себя? И именно поэтому не мыслим, правда – «еще не ...».

Послушаем М. Хайдеггера: утверждение «мы еще не мыслим» не говорит, что мы вообще не мыслим. «Еще не» «... указывает, что мы, вероятно, уже давно находимся на пути к мышлению, и не только на пути к мышлению как практикуемому с некоторых пор образу действия, но на пути в мышление, идя по пути мышления. <...> Наше утверждение привносит некоторую вспышку света в то помрачение, которое не только, представляется, откуда-то давит на мир, но практически привнесено в него человеком» [3, с. 49]. Нам дано осмыслить, – уверен Хайдеггер, – также и радужное, и прекрасное, и таинственное, и благодатное. И это названное «дано нам осмыслить только тогда, когда мы этот дар не отвергаем тем, что мы это радующее, прекрасное, благодатное принимаем лишь за то, что

ограничивается чувством и переживанием и остается вдали от дуновения мышления. И лишь тогда, когда мы впустим в себя таинственное и благодатное как то, над чем, собственно, и дано задуматься, мы сможем осмыслить, как себя держать перед зловещим лицом самого зла» [3, с. 49].

Что призывает нас к (и для) того, чтобы мы мыслили и как такие мыслящие быть теми, кто мы есть? «В том, что называется мышлением (Denken), мы попадаем, когда беремся думать (denken) сами. Чтобы подобная попытка удалась, мы должны быть готовы учиться мысли (Denken)» [3, с. 34]. И если мы соответственно вопрос «Что называется мышлением?» слышим так, что мы спрашиваем: что является тем, что нас задействует в том, чтобы мы мыслили? – мы спрашиваем о том, что рекомендует нашему существу мышление и таким образом приглашает наше существо войти в мышление как в хранилище. А мы уже, утверждает Хайдеггер, собственно, не привыкли жить в таком сказывании слова «звать». Здесь не игра слов – «существо языка играет с нами».

Само слово «звать» надо брать в не совсем обычном смысле. «Звать» в широком смысле означает: приводить в настроение, выводить на дорогу, – что может происходить некоторым незримым и потому мягким способом, и, скорее всего, так и происходит: «...в древнем слове “звать” правит не требование, а приглашение прийти куда-либо», здесь «звучит момент помощи и хода навстречу» [3, с. 145]. Звать – это предоставлять, вызвать, приглашать прийти, вывести на дорогу, подвигнуть, подарить путь. «Звать» означает, говоря одним словом: «приказывать», но, как замечает Хайдеггер, при условии, что мы это слово слышим в его коренном значении. Потому «приказывать» в сущности подразумевает: не командовать или распоряжаться, а рекомендовать, доверять, предоставлять убежище, беречь. Звать – это обращаться рекомендуя, приглашать прийти и направить куда-то. Призвание (обетования) гласит: обращаться

с призывом, хотя таким образом, что сказанное здесь предсказано, обещанное. Звать означает: призывая достигать прибытия и присутствия; обращаясь задействовать для этого.

Если нас что-то зовёт, зовёт в мышление, то не получается так, что то, что зовет, определенным образом нуждается в нас, потребует, применяет, – или сначала просто мягко зовет, чтобы потом применить в своих целях, использовать? И здесь Хайдеггер, размышляя над ситуацией «звать в», проводит филигранное, на наш взгляд, различие между востребованием и использованием (применением): «“Востребование” вовсе не подразумевает голого применения. Применение есть лишь разновидность и извращение востребования. Когда мы, например, имеем в руке вещь, рука должна примериться к вещи. В востребования лежит примеряющееся соответствие. Собственно востребование не принижает востребуемого, но востребование имеет свое определение в том, что оно впускает востребуемое в его существо. Однако это впускание совсем не подразумевает беззаботного попустительства или вообще распущенного пренебрежения. Напротив, собственно востребование приносит востребуемое впервые в его существо и сохраняет его там. Востребование есть, так осмысленное, само по себе притязание на то, что что-то впущено в свое существо, и востребование не выпустит его оттуда. Востребование – это допущение в существо, сохранение в существе» [3, 190-191]. Собственно востребование не является ни голым применением, ни также потребностью. Просто потребное применяется с нужды некоторого побуждения. Применение и потребность всегда остаются позади собственного востребования. Оно является редко очевидным и вообще не дело смертных. В благоприятном случае смертные освещены светом востребования.

Следовательно, то, что нас так призывает в мышления, может это делать, пожалуй, лишь постольку, поскольку именно то, что зовет, само по себе использует мышления. То, что призывает нас в мышление и таким образом вверяет нашу сущность мышлению, т.е. скрывает, само же и использует мышления, поскольку то, что зовёт нас по своей сущности могло бы быть осознано и само. То, что нас зовёт мыслить, требует само по себе, чтобы оно благодаря мышлению было обслужено и сбережено. То, что зовёт нас мыслить, дано для мысли.

Хайдеггер рассуждает следующим образом: «мы называем нечто такое, что это для мысли, зовущим мыслить (Bedenkliches). Но то, что не только по случаю и в ограниченном каждый раз отношении сомнительно (bedenklich), а напротив, то, что само по себе и, следовательно, давно и всегда дано для мысли, и есть абсолютно сомнительное (Bedenkliche). Мы именуем это призывающим мыслить (Bedenklichste). То, что это для мысли, дар, которым оно нас одаривает, есть то же самое, что оно само, которое зовёт нас в мышление» [3, с. 150].

Что зовёт нас думать? Если мы развернем это вопрос, то он спрашивает: откуда взывает к нам приказ думать? На чем основан приказ, призывающий? Каким образом он может нас задействовать для себя? Каким образом достигает нас этот приказ? Каким образом он приходит к нашей сущности, чтобы требовать от нас, с нашей стороны, нашу сущность именно в качестве мыслящей? Какова наша сущность? Можем ли мы вообще это знать? Если об этом нет знания, то каким образом нам эта сущность в таком случае открыта? Может быть, именно так, и только так, что мы призваны мыслить? [см.: 3, с. 242]. – Этот ряд хайдеггеровских вопросов образует основной нерв его вопрошания. И снова он призывает своих слушателей не только к вопрошанию о мышлении, но и к обучению мышлению: «Мы должны учиться мышлению, так как способность к мышлению, а также одаренность к

мышлению еще не гарантирует, что мы можем мыслить. Ибо это требует, чтобы прежде мы полюбили то, что обращается к мышлению. Это, однако, есть То, что само по себе это для мысли. То, что этот дар, собственно требующее осмысления, дает, мы называем призывающим мыслить» [3, с. 102].

Итак, появляется новое требование: нужно полюбить то, что обращается к мышлению. То есть, в вопрос снова вводится экзистенциал. Чтобы действительно, по-настоящему мыслить, а не просто считать, высчитывать, обмозговывать, соображать, устраивая свою мелкие суетные дела, – чтобы войти в состояние мышления (в ситуацию мышления), надо полюбить то, что дано мышлению, то, что думаешь, – ведь же оно к тебе обращено... Хайдеггер будто сам удивляется по непосредственной близости глаголов «думать» и «любить»: «Любовь, принятие (Mogen) покоится в мышлении. Это кажется странным рационализмом, который основывает любовь на мышлении» [3, с. 45]. Однако все здесь – чистая правда. Как-то А.Ф. Лосев в одном из своих интервью высказался, что мыслить, думать – это буквально любовно обнимать предмет своего мышления мыслью. Обнимать – значит принимать, впускать в себя, в свою сущность, в сааме свое существо.

Вот мы иногда говорим любимому существу: «Я всю ночь думал о тебе». В каком смысле мы употребляем здесь слово «думать», «мыслить»? Вряд ли в смысле «анализа», «исследования», набрасывания сети категорий, рассчитывая схемы будущих поступков, действий, актов. «Думал о тебе» – вовсе не обдумывал, не анализировал, не раскладывал на элементы, осуществляя «деконструкцию», чтобы потом сконструировать по-новому, я тут вообще ничего не конструировал. Здесь напрочь отсутствует технология и инструментализм. «Думал о тебе» – значит, окутывал тебя своей мыслью, а мысль здесь – не интеллект сам по себе, не процедура чисто ментальная; мысль здесь – проявление всего моего

целостного существа, которым я окутывал свой «предмет». И лишь тогда (и потому) – «моя душа полна тобой». «Думал о тебе» – значит остро чувствовал твое присутствие как присутствие присутствующего, как предельно присутствующее, наиболее бытийное из всего бытийного, какое только возможно, – и вот это присутствие я благодарно принимал, впускал в своё существо как самое существенное во мне самом. Мысль и переживания здесь неотделимы, и именно таким является то мышление, о котором говорит, к которому призывает и которому хочет научиться вместе со своими слушателями Мартин Хайдеггер, все время повторяя, как заклинание: «Мы еще не мыслим ...».

В.В. Бибахин относительно способности мышления принимать в себя и понимать принятое пронзительно пишет: «Моя мысль <...> – то, что угадывает, предчувствует, узнаёт, понимает вещи, удивляется им, отталкивается от них, бережет их, – одним словом, мысль это понимание, допускающим образом принимает.<...> Она принимает просто, своей открытостью, своей пустотой – пустотой в смысле отсутствия готового содержания, а не в смысле готовности и способности впускать мир. Мысль понимает просто: отдает свое присутствие присутствию вот этих вещей, – истории, вещей, мира, слова, и захвачена этими вещами, потому что любая из этих вещей всегда заведомо больше меня, они меня наполняют, когда я им предан, и по всей моей увлеченности ими я именно своей захваченностью – вмещаю их, они захватывают меня и в этой мере я допускаю им быть. И более того: я нахожу себя в этом вмещении мира» [1, с. 53]. Итак, чтобы найти себя по-настоящему (а не в смысле современных разговоров об «идентификации», которой чрезмерно озабочены вместо того, чтобы начать мыслить), я должен вместиť в себя мир, быть им захваченным, и все это – мысль, мышление в его сущности как сущностное мышление.

Мы можем только то, что нам желанно, – полагает Мартин Хайдеггер. Но, с другой стороны, мы «поистине можем только То, чему со своей стороны желанны мы сами, а именно мы в нашем существе, желанны тем, что оно к нам обращено как то, что хранит нас в существе. Хранить означает собственно: позволять пастись на свободном поле. Но то, что хранит нас в нашей сущности, хранит нас лишь до тех пор, пока мы сами сохраняем это хранящее. Мы сохраняем его, когда не выпускаем из памяти» [3, с. 34]. То, что отсылает нас в мышление, дает нам, таким образом, то, что мы, исходя прежде всего из этого указания, можем мыслить и соответственно этому мы являемся мыслящими. Всякое, зовущее мыслить, дается мысли. Однако этот дар может быть доступным только в той мере, в какой это, зовущее мыслить, есть уже в самом себе дано для мысли. Поэтому, и только поэтому мы, вместе с Хайдеггером, говорим: самое большое, что дается для мысли, это то, что мы еще не мыслим. Это означает, что мы уже находимся, и именно потому что мы вообще есть, в отношении того, что дано для мышления. Однако же мы еще не являемся мыслящими при том, что призывает мыслить. Мы уже находимся (находим себя) в отношении того, что дано для мышления, но еще не мыслим. Именно поэтому и знаем (чувствуем), что мы не мыслим (не мыслим, как следует), потому что мы уже есть в отношении.

Вопрос «Что зовётся мышлением?» спрашивает о том, что должно было бы осмысленное в особо выделенном смысле, что оно нам, а не только себе, дает не только кое-что для мысли, но то, что только оно передает нам мышление, нам доверяет мышление как нашу сущностную определенность и, таким образом, в первую очередь ранее всего присваивает нас мышлению. Таким образом, мышление – это наше и одновременно не наше «свойство». И это очень интересно: то, что зовет нас в мышление, – передает нас мышлению, присваивает нас мышлению, вводит нас в

мышление. То есть, не только то, что надо помыслить, есть дар, но и само мышление как таковое – тоже дар.

То, что мы еще не мыслим, выходит в гораздо большей степени из того, что это данное для осмысления именно отворачивается от человека, и это происходит уже давно. Как мыслящее существо человек оставался и остается вовлеченным в то, что дает себя для мысли. И все-таки человек не сможет мыслить настоящим образом до тех пор, пока это данное для мысли оттягивается в даль. Как мы можем знать о том, что ускользает от нас? – Однако «самооттягивание» не являет нам ничто и само не есть ничто. Хайдеггер говорит: «Оттягивание и ускользание – это событие. То, что оттягивается и ускользает, может наступать на человека и требовать от него даже существеннее, чем любое присутствующее, которое встречает и задевает человека. Эту задетость действительным охотно принимают за то, что составляет действительность действительного. Однако задетость действительным как раз может отрезать человека от того, что на него наступает определенно загадочным образом, а именно – отступая от человека, оттягиваясь от него. Событие оттягивания может быть самым настоящим из всего настоятельно присутствующего и тем самым бесконечно превосходить актуальность всего актуального» [3, с. 40]. То, что от нас оттягивается, тянет же и нас за собой, независимо от того, замечаем мы это вообще или не замечаем. В тяге к тому, что оттягивается, мы сами указываем на это, что оттягивается. То, что зовет мыслить, отворачивается от нас и даже когда-то уже отвернулось от человека. «То, что таким образом оттягивается, содержит и развертывает свою собственную, несравнимую ни с чем близость» [3, с. 103]. Если мы вовлечены в самооттягивающееся, то мы уже находимся в тяге в самооттягивающееся, в загадочную и потому изменчивую близость его. «Когда человек

находится в этом тяге собственным образом, тогда он мыслит, пусть даже он еще слишком далеко от самоотягивающегося, пусть даже это оттягивание остается всегда скрытым. Сократ всю свою жизнь, вплоть до самой смерти, не делал ничего другого, кроме того, что вставал в сквозной ветер этого тяга и в нем себя удерживал» [3, с. 103].

Относительно всего этого хочется вспомнить слова Людвиг Фейербаха: «Ты спрашиваешь, что я такое? Подожди, когда меня не станет». То, что теряется нами, удаляется от нас – неизбежно требует нас его помыслить. Ведь когда у нас все хорошо, когда нам кажется, что мы актуально живем в полноте бытия и сбывания, мы тогда не мыслим, нам не нужно мыслить, поскольку все уже здесь и сейчас с нами. Когда мы что-то весьма существенное – и бесконечно дорогое – теряем, вот оно было, а теперь отдаляется, уходит, – оно, ведь действительно, тянет нас за собой, тянет хотя бы прощальный наш взгляд, – и мы начинаем задумываться, мы попадаем в место мышления, в ситуацию мысли. Еще проще: когда у нас все хорошо, мы ни о чем серьезном не думаем. Думать же начинаем, когда оказываемся в ситуации потери, поражения, разорванности, антиномии, противоречия. Говорил же Гегель: «Заштопаннный чулок лучше разорванного. Не так с самосознанием» [2, с. 548].

А что же от нас «оттягивается»? – Бытие. Именно его мы теряем. А почему? У Германа Гессе есть такие строки, начинающиеся словами: «Нам в бытии отказано всегда». А вот как завершается стихотворение:

«Осуществить себя, сумеешь продлиться

–

Вот цель, что в путь нас гонит неотступно.

Не оглянуться, не остановиться.

А бытие все так же недоступно».

Так чего же бытия нам недоступно? А именно потому, что нас побуждает, гонит в жизненный путь, определяет каждый нас шаг лишь одна цель: осуществить себя и тем самым продлить себя в этом мире. Мы

сплошь обеспокоены само-осуществлением, само-реализацией. Осуществлением – не бытия, а себя, не бытийственного, а своего, исключительно своего, родимого. Мы стремимся в бытие (мир) внести, впихнуть свои смыслы, и мы сплошь равнодушны и глухи к смыслам собственно бытийственным, к бытию как смыслу. Поэтому слова: «Да будет воля Твоя, не моя» – не для и не про нас, убогих. Мы настаиваем исключительно на своей воле, – да будет воля моя, – вот отчего и задыхаемся в сплошности произвола, даже не вспоминая, что Гераклит Эфесский призывал произвол гасить скорее, чем пожар. – Пока мы так настроены, пока мы так – и только так – поступаем, то, разумеется, – бытие нам недоступно, как и раньше. Пока не остановимся, не оглянемся (оглянуться чтобы обернуться, обратиться, войти в ситуацию обращения к истинному, в ситуацию истинного обращения), бытие нам недоступно. Мы, нынешние, говорит Хайдеггер, на это не способны. Пока не войдем в состояние покаяния, по-гречески – «метанойи», перемены ума, – бытие будет всё так же недоступно...

Иными словами, Хайдеггер нас, как и своих слушателей, призывал к перемене ума, то есть, к собственно мышлению. К перемене точки зрения на ум и собственно перемены ума, чтобы вжиться в то, что зовет нас в мышление. Мартин Хайдеггер призывает нас бежать прочь от самих себя, отказаться от своеволия: «Лишь когда человеческое существо в событии прозрения как озаренное им отказывается от человеческого своеволия и бросает себя навстречу озарившему его свету, прочь от самого себя, человек в своем существе начинает отзываться на обращенное к нему озарение. Благодаря такой отзывчивости человек оказывается способен в хранимом событии мира взглянуть как смертный в лицо божественному [4, с. 257]». «Поэтому может случиться, что в то же время постижение именно этого забвения, то есть забвения бытия, предстанет как необходимость и станет необходимым, и пред лицом этого

забвения пробудится вспоминающее мышления, которое думает о самом бытии» [5, с. 68]. В мышления нас зовет забытое нами бытие, и настроение и побуждение этого голоса исходит не извне, то есть не из какого-то существующего сущего, а с самого невидимого и необъятного бытия, которое «ближе к человеку, чем всякая очевидность назойливого сущего» [5, с. 256].

Итак, зовет забытое. В греческом опыте забытое есть погруженное в скрытность, причем так, что это погружение, сокрытие, остается скрытым даже для самого того, кто забыл забытое.

Призыв зовет мышление на некоторое средоточие-распутье, беспутье. Однако путь мышления таков, что не позволяет определить это распутье разовым решением и оставить этим решением раз и навсегда какой-то из путей позади. Куда ведет этот странный путь? Куда, кроме как в то, что постоянно требует вопрошания? То, что то, что призывает мыслить, не является чем-то от нас отдаленным, оно вообще нам ближе ближайших осязаемых под рукой обычных ручных приемов, и тем не менее оно оттягивается. Хайдеггер настаивает на том, что «данное для осмысления вопреки всему где-то близко. Оно лишь остается заставленным давно уже для нас обычными

предвзятыми мнениями, которые потому столь крепки, что они имеют свою собственную истину» [3, с. 168].

Следовательно, для адекватного ответа на вопрос «Что зовет нас в мышление?» нужно все время оставаться в силовом поле именно этого вопрошания, будучи всем своим существом захваченным им. Тогда распознавание того, что «зовёт», призывает, становится тождественным состоянию мышления как таковому, становится уже мышлением. В мышления нас зовет бытие, которое все время оттягивается от нас (так и зовёт). Будучи призваны в мышления бытием, мы призваны мыслить бытие.

Литература:

1. Бибихин В.В. Внутренняя форма слова / В.В. Бибихин. – СПб.: Наука, 2008. – 420 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Афоризмы. Иенский период / Г.В.Ф. Гегель; [пер. с нем. В.А. Рубин] // Работы разных лет: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – С. 530–556.
3. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер; [пер. с нем. Э. Сагетдинов] – М.: Академический Проект, 2006. – 351 с.
4. Хайдеггер М. Поворот / М. Хайдеггер; [пер. с нем. В.В. Бибихин] // Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 253–258.
5. Хайдеггер М. Парменид / М. Хайдеггер; [пер. нем. А.П. Шурбелев]. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 283 с.

